

В 2009 г. исполнилось 80 лет со дня выхода в свет книги П.Г. Богатырева “Actes magiques, rites et croyances en Russie Subcarpatique” (Paris, 1929). К этой дате была приурочена конференция, которая прошла в Париже 17–18 ноября 2009 г. под названием «Функционализм и трансфер знания в Праге в 1920–1930-е гг. Этнографические и театральные исследования Петра Богатырева». Публикуемая статья А.Л. Топоркова выйдет в сокращенном виде в материалах конференции на французском языке.

Андрей Топорков

Два издания книги П.Г. Богатырева «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» (1929/1971): научный и общественный контекст¹

Книга «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» занимает особое место не только в творческом наследии П.Г. Богатырева (1893–1971), но и в целом в европейской гуманитарной науке XX в. Богатырев был одним из тех немногих славянских этнографов 1920–1930-х гг., кто серьезно занимался методологией этнологии и фольклористики. При этом он исходил из широкого комплексного понимания науки о народной культуре — науки, которая интегрирует в себе подходы этнографии, фольклористики, диалектологии, истории литературы, искусствоведения (театроведения), социологии и психологии.

Андрей Львович Топорков
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН, Москва,
atoporkov@mail.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-культурной и лингвистической интерпретации», проект «Биобиблиографический словарь русских фольклористов» (2009–2011).

Сам Богатырев в 1969 г. в предисловии к собранию своих трудов писал, что «большинство работ сборника сконцентрировано вокруг единой темы и относится к одной области народной культуры — к фольклорному действу» [Богатырев 1971: 5]. Ближайший друг и коллега Богатырева Р.О. Якобсон считал, что центральной проблемой научного творчества Богатырева был «дуализм актера и его роли»: «Проблема “человек-знак” изучалась московско-пражским ученым специально применительно к фольклору в двух его специфических областях — сфере собственно театральных действий, с преобладающей в них эстетической функцией, и сфере магических действий, впервые обозначенных и исследованных во французской книге нашего автора “Actes magiques, rites et croyances en Russie Subcarpatique” (Paris, 1929)» [Якобсон 1996: 67].

При первом знакомстве с трудом о магических актах он может произвести впечатление систематизированного изложения материалов, собранных автором в одном из экзотических уголков Восточной Европы. Методологическое значение этой книги проясняется, если рассмотреть ее в более широком контексте творческих исканий самого Богатырева и его современников, прежде всего Р.О. Якобсона и других членов Пражского лингвистического кружка.

При этом исследование имеет прямое отношение по меньшей мере к пяти этноязыковым и научным традициям: русской, украинской, словацкой, чешской и французской. Книгу создал русский ученый, который в период ее написания жил и работал в Праге; она посвящена украинцам Закарпатья, которое входило тогда в состав Чехословакии. В 1929 г. Богатырев защитил книгу как магистерскую диссертацию в Братиславском университете [Досталь 1998: 32].

Книга увидела свет в Париже в Трудах Института славяноведения [Bogatyrev 1929]. Выбор иностранного языка для публикации — это не только результат невозможности опубликовать ее на родном языке, но и знак включенности автора и его текста в иноязычную традицию. Созданная на перекрестке разных культур, эта книга предстает как факт культурного и научного общения между Россией, Украиной, Чехословакией и Францией.

Изучение обрядов в русской этнографии.

П.Г. Богатырев и Д.К. Зеленин

Исследование ритуалов в России началось еще в середине XIX в. в работах К.Д. Кавелина и А.Н. Афанасьева, продолжилось в работах А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, Н.Ф. Сумцова

и Е.В. Аничкова. В 1910–1920-х гг. ритуалы и символические функции вещей плодотворно изучали Д.К. Зеленин и Е.Г. Кагаров.

Работы Богатырева 1920-х гг. тесно связаны с теми подходами, которые разрабатывались русскими и украинскими учеными в первой трети XX в. Характерно, что во введении к «Магическим актам» Богатырев ссылается на таких русских исследователей, как А.Н. Веселовский, Е.В. Аничков, Д.К. Зеленин, Л.Я. Штернберг, а также на украинку Катерину Грушевску. Занимаясь исследованием культуры Закарпатья, Богатырев, естественно, широко привлекал материалы, собранные украинскими этнографами и фольклористами, такими как А. Онищук, Ф. Колесса, Вл. Гнатюк, Н. Зубрицкий, В. Шухевич, З. Кузеля и др. Богатырев активно использовал и работы своих современников — крупнейших этнографов из разных славянских стран: К. Мошиньского (Польша), Э. Шнеевайса (Чехословакия), В. Чайкановича (Сербия), М. Арнаудова (Болгария).

Непосредственным предшественником, старшим современником, а в каком-то смысле и учителем Богатырева был Дмитрий Константинович Зеленин (1878–1954). Богатырев был лично знаком с Зелениным, на протяжении более 30-ти лет состоял с ним в переписке, неоднократно положительно отзывался о его работах. Проживая в Чехословакии, Богатырев пересылал старшему коллеге новейшие публикации по славянской этнографии и сообщал научные новости.

В своих работах 1900–1910-х гг. Зеленин дал описание ряда восточнославянских обрядов и ритуального использования предметов материальной культуры. В книге «Очерки русской мифологии» (Пг., 1916) он подробно описал русские обряды, посвященные «заложным» покойникам. В 1927 г. Зеленин опубликовал в Германии классический труд “Russische (Ostslavische) Volkskunde” («Русская (восточнославянская) этнография») [Zelenin 1927], который стал настольным для европейских этнографов¹.

Во введении к книге «Очерки русской мифологии» Зеленин предложил определенную методику изучения обрядов, которая имела для того времени новаторский характер. Он подчеркивал, что объектом его исследования являются именно обряды, а не мифология; воспользовался же он устаревшим названием «мифология», поскольку в русском языке отсутствует термин для науки, изучающей обряды; по замечанию Зеленина, это могло быть что-то вроде «обрядологии» [Зеленин 1995: 37]. Он

¹ В России эта книга была опубликована через 64 года в обратном переводе с немецкого на русский язык [Зеленин 1991].

утверждал, что исторической реконструкции обрядов должно предшествовать их систематическое и исчерпывающее синхронное описание. Во 2-й половине 1920-х — 1-й половине 1930-х гг. Зеленин создал серию работ сравнительного характера, в которых славянский материал рассматривался на широком европейском и даже евразийском фоне: «Магическая функция примитивных орудий», «Тотемистический культ деревьев у русских и у белорусов», «Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма», «Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов» и др.

В статье «Своеобычное в русской фольклористике (Что дала и может дать нового в методологии русская фольклористика?)» Богатырев положительно отозвался о работе Зеленина «Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии» [Зеленин 1929—1930]:

В работах крупнейшего русского этнографа Д.К. Зеленина мы все время видим стремление связать изучение русского фольклора с фольклором других народов Евразии. Многие непонятное в нынешних русских народных верованиях Зеленин в «Очерках русской мифологии» (Пг., 1916) объяснял с помощью верований русских соседей — финнов. В своем капитальном труде “Russische (Ostslavische) Volkskunde” Зеленин то там, то здесь, для разъяснения отдельных мест в русской этнографии, прибегает к материалу других народов Евразии. Но из всех работ, посвященных изучению русского фольклора совместно с изучением фольклора других народов Евразии, надо поставить на первое место работу Зеленина «Табу слов». Работа эта интересна не только по обширному материалу, охваченному ею, но и по ряду принципиальных выводов, сделанных на основе этого материала. Одно из основных положений Зеленина, что само определение табу слов у народов Евразии отлично от определений этого понятия во внеевразийском мире, показывает всю важность изучения фольклора Евразии как самостоятельного целого, имеющего свои задачи и могущего привести к своеобразным выводам. Упомянутые и использованные проф. Зелениным русские работы, посвященные этнографии народов Евразии, показывают, как много нового может найти европейский этнограф в русских работах по изучению народов Евразии. Для этнографа, ознакомившегося с книгой Зеленина, станет, между прочим, актуальным вопрос о необходимости изучения русского языка. Без знания русского языка этнографу, занимающемуся так называемыми примитивными народами, недоступна большая русская литература, посвященная изучению народов Евразии. Нам кажется, что интересы этнографии действительно требуют скорейшего перевода труда Зеленина на один из европейских языков, чем была бы дана возможность всем европейским ученым ознакомиться с богатством русского материала, подобранного

Зелениным хотя бы только по одному вопросу — о табу слов. Труд Зеленина является блестящим доказательством того, какие новые достижения могут быть сделаны в этнографии при изучении Евразии как единого целого [Богатырев 2006: 141].

Отметим в этом фрагменте высокую оценку Зеленина как «крупнейшего русского этнографа» и особое значение русского материала и исследований русских ученых для европейской этнографии. Пожелание Богатырева, чтобы книга Зеленина о табу слов была издана в Европе, имело реальные основания, поскольку предполагался ее перевод на немецкий язык. Однако, к сожалению, этим планам не было суждено осуществиться. Не вошла книга и в состав 4-томного собрания избранных сочинений Зеленина, подготовленного недавно в издательстве «Индрик» [Зеленин 1994; Зеленин 1995; Зеленин 1999; Зеленин 2004].

Известны, кстати, и сочувственные отзывы Зеленина о Богатыреве. В двух номерах журнала «Советская этнография» за 1932 г. был опубликован библиографический обзор Зеленина, посвященный современному изучению славян в европейских странах. Несколько раз упоминаются здесь и работы Богатырева. Так, например, Зеленин сообщает, что «пражский этнограф Петр Богатырев, известный исследователь украинцев Подкарпатья, прошедший русскую школу, печатает иногда свои труды по-немецки, хотя чаще — по-французски, по-русски и по-чешски; <...> в 1931 г. П. Богатырев приглашен читать лекции по славянской этнографии в Мюнстерском университете, где и ведет занятия со студентами по русской, украинской и словацкой этнографии» [Зеленин 1932 № 3: 112]. Зеленин приводит название книги Богатырева о магических актах по-русски и по-французски и дает ее краткую, но емкую аннотацию: «Материалы собраны автором в 1923–1926 гг. во время специальных командировок в Подкарпатскую Русь от Чешской Академии Наук. Автор описывает и анализирует обряды, связанные с праздниками годового календарного цикла, с родинами и крестинами, браком, похоронами, а также поверья о сверхъестественных существах: опір (упырь, вампир), нучнік (ночной дух) и босуркан (колдун). Автором привлечен очень богатый сравнительный материал, и библиографический список в конце книги занял целых восемь страниц петита. Введение и заключение обсуждают методологию этнографии: метод исторический и метод статический¹. Самая книга посвящена известному чешскому слависту-фольклористу проф. Юрию Поливке» [Зеленин 1932 № 3: 100].

¹ Испр., в источнике напечатано «статистический».

Во второй части своего обзора Зеленин перечисляет доклады и статьи Богатырева и также кратко их реферирует: «Методологией этнографии занимается П.Г. Богатырев, читавший на II съезде славянских географов и этнографов 1927 г. доклад “Синхронистический метод и этническая география” (журнал “Этнография”, 1929, № 1, с. 136). Его статья “К вопросу об этнологической географии” напечатана в журнале “Slavia” (т. VII, 1928, № 3, с. 600–611); здесь автор пытается приложить методы лингвистической географии к изучению этнографических фактов, настаивая, однако же, что методами лингвистической географии в области этнографии можно пользоваться лишь как путеводными вехами; в детальной же разработке необходимо идти своими путями; ср. его же чешскую статью о “структуральной этнографии” (Сборник “Slovenska Miscellanea” в Братиславе, 1931, с. 279–282)» [Зеленин 1932 № 4: 140]. Таким образом, Зеленин знал основные работы Богатырева, опубликованные за границей, и высоко их оценивал.

Синхронный метод Богатырева имеет общие черты с методом Зеленина, обоснованным им в предисловии к «Очеркам русской мифологии», хотя есть и определенные различия. По сравнению с Зелениным у Богатырева ослаблен историко-генетический момент и акцентирован момент социологический. Зеленин широко использовал концепцию стадийности, тезисы о закономерной смене социально-экономических формаций, определяющей роли экономического базиса по отношению к идеологической надстройке и т.д. Характерны для Зеленина и наивные квазиреалистические объяснения обрядов и верований. В результате, несмотря на то что Зеленин аккумулировал в своих трудах рубежа 1920–1930-х гг. гигантский объем информации, его объяснительные модели по большей части нуждаются в серьезных коррективах¹.

Ситуация в советской этнографии на рубеже 1920–1930-х гг.

В 1928 г. Якобсону еще казалось, что нет кардинальных различий между русской наукой в СССР и за границей [Якобсон 1999а: 32], однако начиная с «года великого перелома» ситуация резко поменялась. В СССР один за другим были организованы «дело краеведов», «дело академиков», «дело славистов». В языкознании официальную поддержку получила теория академика Н.Я. Марра, который фактически отрицал родство славянских языков друг с другом. Ю.М. Соколов рассматривал фольклористику как часть литературоведения и ориентировал

¹ См. комментарии в современном переиздании избранных трудов Д.К. Зеленина [Зеленин 1994; Зеленин 1995; Зеленин 1999; Зеленин 2003].

советских фольклористов на то, чтобы от пассивного наблюдения перейти к активному вмешательству в фольклорный процесс. Это объективно привело к тому, что фольклористы занялись фальсификацией советского фольклора и сами или в соавторстве с наиболее покладистыми исполнителями приступили к сочинению советских частушек, «новин», сказов и т.п. Так фольклористика из научной дисциплины по существу трансформировалась в идеологическую машину, призванную фальсифицировать «творчество широких трудящихся масс».

Научная полемика и разногласия мнений быстро уступили место «проработкам» и публичным доносам, за которыми следовали аресты и лагеря. Основная проблема гуманитариев и обществоведов отныне заключалась уже не в том, чтобы разрабатывать новые методы, а в том, чтобы осваивать «единственно правильное учение» и «колебаться» вместе с «колебанием» линии партии.

В такой ситуации становилась неизбежной изоляция советских ученых от их зарубежных коллег. Поменялось отношение и к русским ученым, по разным причинам оказавшимся за границей, и к зарубежным «буржуазным специалистам». Практически прекратились поездки советских ученых за рубеж и свелись к минимуму поездки зарубежных ученых в СССР. Сохранилась и переписка с заграницей, поскольку она могла представлять собой реальную угрозу для адресатов, проживавших в Советском Союзе.

Аналогичные процессы происходили и на Украине, причем здесь они имели еще более трагический характер. В середине 1920-х гг. украинские этнография, фольклористика и краеведение пережили короткий всплеск творческой активности. В Киеве развернула свою деятельность Этнографическая комиссия; в течение нескольких лет выходили журналы «Етнографічний вісник» (1925–1932, кн. 1–10), «Первісне громадянство та його пережитки на Україні» (1926–1929, по 3 выпуска в год); «Побут» (1928–1930, ч. 1–7). Однако в конце 1920-х — начале 1930-х гг. ситуация резко изменилась. По существу на Украине началось последовательное уничтожение национальной интеллигенции. Позднее был искусственно организован голод, в результате чего в России и на Украине погибли миллионы сельских жителей. В то время как в России, на Украине и в других советских республиках в ходе насильственной коллективизации уничтожалось крестьянское население, а в ходе судебных процессов и чисток искоренялись целые отрасли научного знания и подвергались репрессиям ученые, Закарпатье, вошедшее в состав Чехословакии, продолжало

жить мирной жизнью, а Богатырев имел возможность продолжать свои этнографические экспедиции и разработку своего функционально-структурального метода.

Положение Богатырева имело неоднозначный характер: он жил за границей, но в то же время сохранял советский паспорт и не являлся эмигрантом. В принципе он имел возможность либо вернуться в СССР, либо принять чехословацкое гражданство и стать «невозвращенцем», как это сделал Р.О. Якобсон. Богатырев сохранял лояльность по отношению к советской власти в том смысле, что он не публиковался в эмигрантских изданиях, не делал антисоветских заявлений и т.п. Уже упомянутая статья Богатырева «Своеобычное в русской фольклористике (Что дала и может дать нового в методологии русская фольклористика?)», опубликованная в евразийском издании, была подписана псевдонимом «Иван Савельев»; при этом она совершенно корректна по отношению к советской науке [Богатырев 2006: 126–143].

И все же имя Богатырева время от времени всплывало в следственных документах. В конце 1933 — начале 1934 г. секретно-политический отдел ОГПУ сфабриковал дело «Российской национальной партии», известное также как «дело славистов». Аналогичные дела велись параллельно в Москве, Ленинграде, Харькове, Ярославле и других городах СССР. В документах следствия говорилось, что контрреволюционная организация «Российская национальная партия» «была создана по прямым указаниям заграничного русского фашистского центра, возглавляемого князем Н.С. Трубецким, Якобсоном, Богатыревым и другими» [Ашнин, Алпатов 1994: 70]. По главному московскому делу проходило всего 36 человек, в том числе академики М.Н. Сперанский, В.Н. Перетц, члены-корреспонденты АН СССР Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинский, А.М. Селищев, будущий академик В.В. Виноградов и др. По данным Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова, из 36 человек, привлеченных по делу, 11 были расстреляны, один покончил с собой, двое умерли в тюрьме и ссылке от болезней, двоих осудили условно, судьба троих неизвестна и только 17 человек дожили до освобождения [Там же].

Основанием для возбуждения дела послужили реальные события, однако они были развернуты следствием в фантастический сюжет с заговором, подготовкой террористических актов и пр. Центральной фигурой дела «Российской национальной партии» был один из крупнейших лингвистов начала XX в. диалектолог Николай Николаевич Дурново (1876–1937), в прошлом — приват-доцент Московского университета. В августе 1924 г. Н.Н. Дурново выехал в Чехословакию; в Праге ему

оказал помощь его бывший университетский ученик Р.О. Якобсон. «Н.Н. Дурново получил пособие для русских эмигрантов от чехословацкого министерства иностранных дел, смог на средства Чешской академии съездить зимой 1924–1925 для изучения украинских диалектов в Закарпатье, тогда принадлежавшее Чехословакии. Через Р. Якобсона ученый установил постоянные связи с Н. Трубецким, которого раньше знал мало. Весной 1926 г. Н.Н. Дурново как “гость-профессор” прочел курс в университете Брно, издав затем на его основе “Введение в историю русского языка”» [Ашнин, Алпатов 1994: 21]. Впрочем, Н.Н. Дурново так и не удалось получить постоянное место в Чехословакии и в конце 1927 г. он вернулся в СССР [Там же].

После ареста Н.Н. Дурново следователи принудили его давать признательные показания. В результате коллективного «творчества» следователей и сломленного и обреченного ученого Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон и П.Г. Богатырев предстали как организаторы заграничного фашистского центра, а советские слависты — как участники националистического подполья.

В своих письмах к Д.К. Зеленину Богатырев периодически сообщает, что собирается вернуться в СССР, где у него оставались жена и маленький сын, и даже обсуждает с ним места своей предполагаемой работы, однако каждый раз это возвращение откладывается. В частности, в письме от 15 ноября 1934 г. Богатырев писал Д.К. Зеленину: «В начале декабря я уже буду в Москве, а 15-го обязательно приеду на съезд фольклористов в Ленинград» [Решетов 2007: 334]. К счастью для Богатырева его возвращение в СССР в 1934 г. так и не состоялось. О причинах этого в документальных источниках не сообщается, но ситуацию нетрудно восстановить гипотетически. Скорее всего, Богатырев тем или иным способом получал сведения о репрессированных друзьях и коллегах и благоразумно оставался за границей. Можно быть уверенным в том, что если бы он вернулся в СССР в период между 1930 и 1937 гг., то его неминуемо ждала бы расправа.

Даже то, что Богатырев не был арестован по возвращении в СССР в 1939 г., следует рассматривать как стечение счастливых обстоятельств. Уже в 1934 г. было принято решение не развивать на основе «дела славистов» новый маховик репрессий. Ученые, которые проходили по этому делу, частично остались на свободе и продолжали занимать высокие должности в Академии наук. Кроме того, в 1940-е гг. в результате репрессий Богатырев оставался в СССР единственным специалистом по чешской литературе. С началом Великой Отечественной войны отношение к славистике в целом резко изменилось.

«Политическая конъюнктура, в 30-е годы способствовавшая уничтожению славистики, теперь стала иной: стояла задача сплочения славянских народов против фашистской агрессии» [Ашнин, Алпатов 1994: 162]. Во время войны Богатырев сотрудничал во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей и ТАСС, вел радиопередачи для оккупированной немцами Чехословакии.

Единственный сын Богатырева Константин родился в Праге в 1925 г. Когда мальчику было три года, жена ученого Татьяна Юльевна взяла его с собой в Москву, чтобы навестить заболевшую бабушку, однако обратно за границу их уже не выпустили. После того как «железный занавес» опустился, Богатырев оказался по одну сторону, а его жена с маленьким ребенком — по другую. Своего сына Константина Богатырев не видел в течение 12-ти лет [Богатырева 1994: 17]. Все эти долгие годы родственники Богатырева по существу оставались в Советском Союзе в качестве заложников. Можно строить предположения о том, куда бы направился Богатырев в 1939 г. — в СССР или в какую-нибудь страну Западного мира, если бы его семья была вместе с ним. Во всяком случае возвращение в СССР после почти 20-летнего проживания за границей было очень рискованным шагом.

После войны Чехословакия оказалась частью социалистического блока, и знания Богатырева как богемиста и переводчика с чешского и словацкого языков оказались весьма востребованными. Многократно переиздавался в СССР роман Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» в переводе Богатырева. Ученый составил и перевел сборники сказок словаков и других славянских народов. Возможно, роль апотропея сыграл и тот имидж чудаковатого профессора «не от мира сего», который отложился в многочисленных анекдотах о Богатыреве.

Полевая работа как предпосылка структурально-функциональной методики

В XIX в. исследователи мало интересовались тем, что думают об обрядах их исполнители. Обряды описывали, как правило, безвестные краеведы, неискушенные в науке о древностях, а интерпретировали ученые, которые узнавали об обрядах в основном из книг. В начале XX в. в России сформировалась генерация ученых, которые получили хорошую университетскую подготовку и могли одновременно работать как фольклористы, диалектологи и этнографы, рассматривая традицию как определенную систему и учитывая фольклор, диалект и обрядовую жизнь.

П. Г. Богатырев был одним из первых, кто не только стал сочетать полевую работу с исследовательской, но и смог поднять осмысление полевой работы на теоретическую высоту, поставив перед собирателями новые методологические задачи. Дело не только в том, чтобы учесть мнение носителей традиции по поводу исполняемых ими обрядов или вербальных текстов, но и в том, чтобы описать то или иное явление во всем богатстве присущих ему смыслов и множественности конкретных реализаций, понять мотивацию и целеполагание носителя изучаемой культуры. Поэтому так важно не просто описать обряд или костюм, но и установить, какие функции и смыслы им приписываются, какую роль они играют в социальной, религиозной, праздничной жизни, в магических практиках и т. д. По существу Богатырев был близок к формулировке того, что в концепции Клиффорда Гирца позднее получило название «насыщенное описание» (thick description) [Geertz 1973].

В предисловии к книге о магических актах Богатырев призвал перенестись из библиотеки в поле, перейти от выдвижения неоправданных гипотез к строгому эксперименту, от поисков архаики к исследованию актуального состояния традиции, от фиксации текстов к выяснению того, какие функции выполняют эти тексты в социальной жизни: «Изучая верования и обряды в Европе, особенно у славянских народов, давно пора от бесчисленных гипотез о первоначальном значении обрядов или о первоначальной религии в древнеславянский период перейти к экспериментальному анализу фактов, которые мы можем наблюдать ежедневно, к множеству интереснейших проблем, касающихся современного состояния народных верований, обрядов, магических действий и пр.» [Богатырев 1971: 179].

Оказавшись за рубежом, Богатырев сумел оценить важность тех навыков полевой работы, которые он получил еще в России во время своих экспедиций в Московскую и Архангельскую губернии. В уже не раз упомянутой статье «Своеобычное в русской фольклористике», рассуждая о том, «что дала русская фольклористика и чему от нее может поучиться европейский этнограф», Богатырев на первое место ставит именно полевую работу: «Русская фольклористика, прежде всего, сильно расширила собирательские задачи. Если в европейской науке до сих пор четко не поставлен вопрос о необходимости исследовательской работы на местах, и если в Европе до сих пор в большинстве случаев собирателями материала являются местные дилетанты, то среди русских ученых-этнографов создалась уже традиция самим непосредственно на местах собирать и изучать этнографические факты, и чем дальше, тем необходимость работы на местах вполне подготовленными учеными ощущается

все больше и больше» [Богатырев 2006: 126–127]. Для подтверждения своей мысли Богатырев привлекает доклад Б.А. Куфтина «Задачи и методы полевой этнологии» (1929) и статью А.И. Никифорова «К вопросу о задачах и методах научного собирания произведений устной народной словесности» (1928). Говоря о статье Никифорова, Богатырев замечает, «что его труд мог возникнуть только в стране, где собирательская работа достигла большой разработанности и, я бы сказал, виртуозности» [Там же: 127–128].

Вряд ли случайно то, что дружба Богатырева с Р.О. Якобсоном, которая длилась в течение 57 лет, началась именно с обсуждения планов совместной экспедиции. «Я впервые встретился с Богатыревым в августе 1914 г., — рассказывал Р.О. Якобсон, — мы стояли в очереди, чтобы записаться на занятия; он тогда был на третьем, а я на первом году обучения в университете. И хотя это может показаться странным, беседа наша тотчас завязалась вокруг будущих научных изысканий. Он предложил совместный проект полевых работ по сбору фольклорных и диалектологических данных (который мы и осуществили несколькими месяцами позже в Верейском уезде Московской губернии). Наши функции по ролям — этнограф и лингвист — были определены сразу же, однако важным было то, что перед каждым из нас всегда стояла общая идея создания значимого целого как непосредственной цели нашего исследования, и это объединяло нас» [Якобсон 1999б: 73].

Богатырев настаивал на том, что каждый обряд должен быть рассмотрен изначально в том окружении, в котором он функционирует: «Часто при попытках реконструировать первоначальное значение обряда пренебрегают основным правилом: прежде всего надо узнать конкретную среду, в которой существовал обряд» [Богатырев 1971: 178]. В этой формулировке можно видеть скрытую цитату из А.Н. Веселовского, который писал о том, что согласно методу, давно признанному исторической наукой, «требуется объяснять жизненное явление прежде всего из его времени и из той самой среды, в которой оно проявляется, и лишь тогда раздвигать границы сравнения, когда ближайшие условия не дают исследователю удовлетворительного ответа» [Веселовский 1938: 16]. Утверждение А.Н. Веселовского в свою очередь восходит к К.Д. Кавелину и связано с определенной традицией в русской этнографии [Топорков 1997: 176].

Оформление структурально-функциональной методик

Поколение, к которому принадлежали П.Г. Богатырев, Р.О. Якобсон, Н.С. Трубецкой, Ю.Н. Тынянов и многие из тех,

с кем они общались в Москве и Праге, сыграло исключительную роль в российской, да и мировой науке XX в. Общим для этих людей было ощущение того, что старая наука исчерпала себя и нужно создавать новую на принципиально иных основаниях. Свою первую книгу «Чешский кукольный и русский народный театр», изданную в серии «Сборники ОПОЯЗ'а» (Берлин; Пг., 1923), Богатырев начинает не с обзора источников или перечисления авторитетов, которым он предполагает следовать, а с краткого очерка прежних научных школ и констатации того, что все они безнадежно устарели. Позволим себе привести обширную цитату:

Произведения устной словесности в их современном виде на очередных этапах своей жизни мало интересуют исследователей. Это для них только фрагменты некогда целостной, от начала до конца логичной, осмысленной и мотивированной поэзии.

В этом пункте сходятся все вчерашние русские научные школы.

Антропологическая школа рассматривает фольклор с точки зрения своего рода лингвистической палеонтологии, для нее это кладбище первобытных культурных напластований. Мифологическая школа, являющаяся не в исторической перспективе, а по самому существу частным случаем предыдущей, ищет в фольклоре отзвуков древних верований, мифов.

Теории заимствования дорого не конкретное существование поэтического произведения, не законы его обуславливающие, а лишь выносимый за скобки X, оставшийся в наличности на протяжении всех кочевий.

Для исторической школы поэтическое произведение ценно прежде всего как исторический документ, как свидетельство об историко-культурных фактах. Отсюда ясно, что только первоначальный вид художественного произведения будет интересовать представителя этого направления, а также лишь те напластования, которые вызваны не законами художественной эволюции, а непосредственно отражают новые явления общественной жизни [Богатырев 1923: 21; см. также: Сорокина 2006: 8; Иванова 2009: 752–753].

В последующем Богатырев не только более ясно сформулировал собственный метод, но и перешел от критической оценки других методов к пониманию того, что каждый из них может быть объективно полезен в ограниченной области, хотя и нуждается в определенных корректировках. Итоговый характер в этом смысле имеет статья Богатырева «Функционально-структуральный метод и другие методы этнографии и фольклористики» [Богатырев 2006: 144–155].

В своих работах 1920–1930-х гг. Богатырев последовательно разрабатывал метод, который он называл в разное время «синхронным», или «статическим», «функциональным», «структуральным», или «структурально-функциональным» [Сорокина 2006: 7]. Множественность названий этого метода отражает динамику взглядов П.Г. Богатырева; при этом общий вектор ее — в том, чтобы сначала «синхронный», или «статический», метод обогатить методами «функциональным» и «структуральным», а потом прийти к синтезу последних в методе «структурально-функциональном». Обозначение метода как «структурально-го», «функционального» или «функционально-структурально-го» указывает на связь Богатырева с деятельностью Пражского лингвистического кружка, ведь именно пражцы называли свой метод функционально-структуральным и основывались на понятиях структуры и функции [Лотман 1994: 11].

В докладе на Втором съезде славянских географов и этнографов, проходившем в Кракове в 1927 г., Богатырев связывал формирование синхронного метода с работами Соссюра: «Под синхроническим методом я понимаю изучение этнографических явлений во временном разрезе, так как определяет этот метод в лингвистике де Соссюр (ср.: Saussure F. Cours de linguistique general. Paris, 1916, p. 145–147), при этом на первый план выдвигается вопрос о функциях данных этнографических явлений в данный момент» [Богатырев 2006: 92]. Аналогичным образом предисловие 1969 г. к русскому изданию книги о магических актах открывается словами: «Синхронный (статический) метод швейцарского лингвиста Де Соссюра оказал значительное влияние на русских лингвистов. Данная же работа является одной из первых попыток приложения синхронного (статического) метода к исследованию этнографических и фольклорных фактов» [Богатырев 1971: 169].

Эти ссылки на Соссюра не следует воспринимать как ритуальные. «Соссюр был в сфере интересов Московского лингвистического кружка (который имел возможность узнать о нем непосредственно от его ученика С.О. Карцевского <...>). <...> Одно из первых, если не первое, свидетельство этого влияния — ссылка на Соссюра в книге Р.О. Якобсона “Новейшая русская поэзия” (Прага, 1921), датированной автором маем 1919 г.» [Тынянов 1977: 522].

В духе Пражского лингвистического кружка Богатырев рассматривал синхронное состояние культуры не в статике, а в динамике, учитывая, что в синхронном срезе присутствуют и отмирающие, и нарождающиеся явления. Синхронное изучение культуры предстало как предпосылка для ее постижения в динамическом аспекте. «Точные факты, проанализированные

синхронным методом с учетом современного состояния обрядов, позволяют нам прежде всего осветить их историю и во всяком случае поколеблют гипотезы, не основанные на реальных данных. Мы хотим специально подчеркнуть, что хотя возможности синхронного метода ограничены анализом лишь современного состояния обрядов, верований и магических действий, тем не менее в его область входит определенный отрезок жизни этих обрядов и, следовательно, их эволюция» [Богатырев 1971: 179; см. также 169–170]. Такой комплиментарный подход к соотношению синхронии и диахронии вполне соответствует позиции Пражского лингвистического кружка и во многом объясняет его специфическое положение среди других направлений лингвистического структурализма.

В соответствии с этим, завершая свою книгу о магических актах, Богатырев высказывает надежду на то, что в будущем «мы сможем установить законы, по которым изменяются обряды, и значения, которые они принимают» [Богатырев 1971: 295]. Проблема изучения истории обрядов и изменения их функций и интерпретаций ставится в следующей большой работе Богатырева «“Полазник” у южных славян, мадяров, словаков, поляков и украинцев. Опыт сравнительного исследования» [Bogatyrev 1933–1934]. В теоретическом плане эта работа важна тем, что в ней на конкретном материале отработана методика исторического изучения эволюции обряда и его постепенного географического распространения. Таким образом, намечаются сочетание синхронного изучения обряда одной традиции и сравнительного изучения обрядов разных традиций, а также переход от синхронного изучения обряда к изучению его истории. При этом требование использовать собственные полевые материалы заменяется требованием использовать всю полноту материалов, включая полевые, архивные и ранее опубликованные записи.

А.Н. Веселовский, В.Я. Пропп и П.Г. Богатырев как «космополиты» и «низкопоклонники перед Западом»

После того как в конце 1939 г. Богатырев вернулся в СССР, он постарался вписаться в научную жизнь столицы. Ученый защитил докторскую диссертацию; с 1942 по 1952 г. он возглавлял кафедру фольклора МГУ; параллельно с 1944 по 1948 г. заведовал сектором фольклора Института этнографии АН СССР. После окончания войны жизнь, казалось бы, начала налаживаться, однако страну ожидала новая волна террора и еще один разгром советской науки. Если в 1934 г. лингвистов, искусствоведов и этнографов, которые проходили по «делу славистов», обвиняли в национализме, то в 1947–1948 гг. под огнем критики

оказались «безродные космополиты» и «низкопоклонники перед Западом». Богатырев, который почти 20 лет жил за границей, преподавал в Словакии и Германии и печатался в «капиталистической» Франции, в этой ситуации, конечно, оказался под ударом.

Кампания против фольклористов являлась частью более общей кампании против космополитов; она развернулась после того, как А.А.Фадеев в своем докладе на XI пленуме правления Союза советских писателей, состоявшемся в июне 1947 г., подверг критике покойного академика Александра Николаевича Веселовского (1839–1906) и его ученика, тоже академика В.Ф. Шишмарева (1875–1957). Под удар попал также В.Я. Пропп, опубликовавший в 1946 г. «Исторические корни волшебной сказки».

В феврале 1948 г. в Институте этнографии АН СССР прошла серия заседаний, на которых были подвергнуты жесткой критике «недостатки» современной фольклористики. В качестве главных «козлов отпущения» оказалось странное трио из А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа и П.Г. Богатырева. Как отмечал один из выступавших, М.Г. Левин, «их роднит между собой внеисторизм — точнее антиисторизм, который предопределяет и частные ошибки исследователей» [Чичеров 1948: 159]. Из трех «космополитов», призванных к ответу, только Богатырев лично присутствовал на разбирательствах и пытался как-то отвечать своим оппонентам.

16 февраля 1948 г. в секторе фольклора Института этнографии обсуждался «структурально-функциональный метод» Богатырева. Процитируем хронику обсуждения: «Проф. П.Г. Богатырев во вступительном докладе рассказал о методе, которым он пользовался в своих работах по этнографии и фольклору, и о возможностях его применения при изучении фольклорных произведений. По утверждению докладчика, изучение функций и их структуры следует рассматривать как методику, отнюдь не противоречащую методу диалектического материализма, но помогающую вскрыть те стороны явления, которые непонятны при работе другими методами. Большинство же выступавших в прениях совершенно правильно указали, что рассматривать “функционально-структуральный метод” только как частную методику нельзя, — функциональная школа, широко распространенная в современной буржуазной этнографии, по самой своей сущности противостоит методу марксизма-ленинизма» [Соколова 1948: 141]. Последнее обвинение в те годы имело очень серьезный характер и могло повлечь за собой самые драматические последствия.

Богатырева обвиняли в том, что он пропагандирует антиисторическую концепцию, предлагая изучать «функции» в отрыве от исторического процесса и классовой борьбы; отрицает «пережитки», т.е. борьбу старого с новым; механически разделяет функции целостных художественных произведений на эстетические и внеэстетические; использует термин «функция», не имеющий определенного значения; исключает возможность «активного, действенного отношения к изучаемым явлениям», подменяя его бесстрастной констатацией фактов; исключает «изучение идейного содержания произведения», которое «дробится на абстрактные функции». «Все это приводит к тому, что рассматривается не живая жизнь во всем ее разнообразии, а мертвая схема» [Соколова 1948: 143].

Помимо демагогических обвинений в обсуждении звучали и вполне серьезные критические замечания. Например, известный религиовед С.А. Токарев отмечал, что в книге о магических актах «проблема генезиса и исторического изучения обряда снимается, так как нельзя понять генезис, историческое развитие и социальный смысл того или иного обряда, основываясь лишь на противоречивых объяснениях населения; нельзя на основе их строить и классификацию обрядов» [Там же: 142].

Были среди участников обсуждения и те, кто недостаточно «принципиально и критически подошли к оценке метода проф. П.Г. Богатырева», т.е. не присоединились к шельмованию ученого; а выступление Э.В. Гофман-Померанцевой было и вовсе «совершенно некритическим» [Там же: 143]. Сам Богатырев «в заключительном слове признал справедливыми отдельные сделанные ему замечания и заверил, что все сказанное будет им продумано и учтено в дальнейшей работе» [Там же].

Далее дискуссия «о недостатках и задачах советской фольклористики» была продолжена на открытых заседаниях ученого совета Института этнографии. Здесь Богатырев снова услышал, что он развивает «методологическую концепцию, которая <...> ничего общего не имеет с принципами марксизма-ленинизма в применении к фольклору и этнографии» [Чичеров 1948: 143] (из речи С.П. Толстова).

Отвечая своим оппонентам, Богатырев выбрал верную тактику. Он признавал, что его метод имеет недостатки, и при этом целиком оставался в рамках научной проблематики, как бы не замечая того, что его обвиняют не столько в некорректном использовании термина «функция», сколько в предательстве интересов пролетариата и службе мировому империализму. На обвинения в том, что он следует за Б. Малиновским, Богатырев

отвечал, что до недавнего времени не был знаком с его работами, что, скорее всего, являлось правдой. В хронике обсуждения слова Богатырева переданы следующим образом:

Функционально-структуральный метод, подвергнутый на дискуссии детальной критике, не связан в своих истоках со школой Малиновского. Тем не менее он требует пересмотра. Многие высказанные замечания заставляют задуматься над рядом положений. Разрабатывая этот метод, разумеется, не было стремления оторвать фольклор от истории. Историзм оказался невыявленным из-за чрезвычайной сложности исторического анализа фольклора. Слово «функция» крайне неудачно; его надо было бы заменить каким-нибудь другим (может быть, словами: роль, задача и т.д.). Признавая ошибочность многих положений функционально-структурального метода, надо указать на положительные черты в нем: четкость и разработанность методики полевой работы. Эта методика исходит из практики работ двух комиссий, известных в истории русской науки: Московской диалектологической, возглавлявшейся Д.Н. Ушаковым, и Комиссии по народной словесности. Истоки ошибок функционально-структурального метода на этой дискуссии были указаны совершенно верно В.И. Чичеровым. Предложенный метод действительно развивает и усложняет теорию формалистов-литературоведов 20-х гг. и через нее восходит к работам А.Н. Веселовского. Некоторое влияние на разработку этого метода оказали также Леви-Брюль и другие ученые. Было бы нечестно сказать, что в результате дискуссии все сразу прояснилось и ошибок больше не существует. Надо много и серьезно работать над собой и бороться за овладение подлинно научным методом анализа фольклора [Чичеров 1948: 154].

Таким образом, Богатырев, даже оказавшись в столь экстремальной ситуации, сумел сохранить достоинство и не сказал ничего такого, за что позднее ему было бы стыдно. Как будто не понимая, что происходит вокруг, он проследил истоки своего метода, указав среди своих предшественников формалистов, А.Н. Веселовского и Л. Леви-Брюля. Неординарность такой генеалогии станет понятней, если вспомнить, что слово «формализм» в те годы использовалось как ругательство, А.Н. Веселовского обличали на тех же заседаниях, а Л. Леви-Брюля обвиняли в том, что его теория первобытного мышления «служит челоуеконенавистническому расизму и неприемлема ни в целом, ни в частности для советских ученых» [Чичеров 1948: 157] (из выступления Б.И. Шаревской).

В результате направленной кампании травли П.Г. Богатырев был уволен из Института этнографии, а позднее и из МГУ. В более широком плане эти события оказали чрезвычайно

негативное влияние на советскую этнографию, поскольку окончательно покончили с остатками научного плюрализма, сделали невозможными полемику и еще более сузили и без того минимальное пространство разрешенных для исследования тем и проблем.

Обвинения в антиисторизме, антимарксизме, преклонении перед Западом и прочих смертных грехах, обкатанные в 1948 г., вновь зазвучат во время полемики со структуралистами в начале 1960-х гг. и будут преследовать их до конца советского периода.

Книга «Вопросы теории народного искусства» (1971)

Несколько десятилетий террора и мракобесия, а также неимоверные человеческие потери, понесенные страной во время Великой Отечественной войны, привели к перерыву в гуманитарной традиции. Советским этнографам, фольклористам, исследователям народного искусства новых поколений еще только предстояло осваивать те подходы, которые Богатырев и его коллеги разрабатывали за несколько десятилетий до этого.

В 1960–1970-е гг. Богатырев продолжал работать как фольклорист, и одновременно он оказался одним из тех полузабытых авторов 1920–1930-х гг., труды которых начинали постепенно извлекать из-под спуда и возвращать в активный оборот как замечательное наследие, хорошо освоенное на Западе, но основательно забытое на родине. Подобным образом знаменитая «Морфология сказки» В.Я. Проппа, нецененная в советской науке, после ее перевода на итальянский, а потом и английский языки стала мировым бестселлером и начала восприниматься как один из шедевров гуманитарной науки XX в.

Советский структурализм, зародившийся в конце 1950-х — начале 1960-х гг., был по существу единственным направлением в гуманитарной науке того времени, которое открыто провозглашало свой немарксистский (но не антимарксистский!) характер. Структуралисты в основном представляли лингвистику, в меньшей степени — изучение мифологии, фольклора и литературы, в то время как славянская этнография до появления Московской этнолингвистической школы в конце 1970-х гг. оставалась в стороне от этого движения.

Структуралисты в 1960-е гг. во многом исходили из того же круга идей, что и Богатырев в 1920–1930-е гг.: признание знакового характера культуры и языка как первичной моделирующей системы, над которой надстраиваются другие, «вторичные» моделирующие системы; широкое использование методов семиотики, а также структурной и функциональной

лингвистики при анализе фактов мифологии, фольклора, искусства; противопоставление синхронии и диахронии с особым акцентом на синхронном изучении языка и культуры. Термины *структура, система, семиотика, функция*, которыми пользовались Богатырев и его коллеги по Пражскому лингвистическому кружку, вновь вошли в употребление, хотя и вызвали отторжение у представителей официального литературоведения.

В начале 1970-х гг. в издательстве «Искусство» увидели свет несколько книг по семиотике искусства, например книга Б.А. Успенского «Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы» (М., 1970), впоследствии многократно переизданная и переведенная на многие языки. В этом окружении нашел свое место и сборник избранных трудов Богатырева «Вопросы теории народного искусства» [Богатырев 1971].

В сборник вошли три книги Богатырева, ранее опубликованные на иностранных языках: «Народный театр чехов и словаков», «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» и «Функции национального костюма в Моравской Словакии». В дополнение к трем монографиям сборник включал 8 статей Богатырева, в том числе «Фольклор как особая форма творчества» (совм. с Р.О. Якобсоном), «Активно-коллективные, пассивно-коллективные, продуктивные и непродуктивные этнографические факты», «Рождественская елка в Восточной Словакии», «Традиция и импровизация в народном творчестве», «Импровизация и нормы художественных приемов на материале повестей XVIII века, надписей на лубочных картинках, сказок и песен о Ереме и Фоме», «К вопросу о сравнительном изучении народного словесного, изобразительного и хореографического искусства у славян», «Функции лейтмотивов в русской былине» и «Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре». В целом сборник был составлен таким образом, чтобы познакомить советского читателя со старыми работами Богатырева, изданными на иностранных языках, и одновременно представить недавние работы, опубликованные на русском языке. Тематически сборник отчетливо распадается на две части: монографии, посвященные в основном этнографическим темам (народный театр, обряды и функции народной одежды), и статьи о проблемах фольклора и народного искусства. В то же время книга представляет весь творческий путь Б.Г. Богатырева и оставляет целостное впечатление.

Сама по себе публикация в составе сборника книги «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» была совер-

шенно немыслимым явлением для того времени, ведь исследования магии, обрядов и суеверий в Советском Союзе практически были под негласным запретом с начала 1930-х гг. Характерно, что эта работа не открывает собой том избранных трудов Богатырева, хотя хронологически именно она была первой, а помещена между его монографиями «Народный театр чехов и словаков» и «Функции национального костюма в Моравской Словакии».

Во время подготовки книги возникла дополнительная проблема, связанная с тем, что некоторые чешские деятели театра и ученые, которых упоминал Богатырев в своих трудах, эмигрировали на Запад после того, как в 1968 г. советские танки вошли в Прагу. Е.С. Новик, которая была в то время редактором издательства «Наука» и готовила книгу Богатырева, вспоминает, что он вызвал ее к себе домой и поделился своими сомнениями по этому поводу. С одной стороны, людей, которые эмигрировали на Запад, по советским правилам нельзя цитировать или упоминать, с другой — книга набрана, и менять в ней что-либо уже нельзя. В этой ситуации Е.С. Новик решила, что книга будет издана в таком виде и никаких купюр в ней не будет.

Книга вышла за несколько месяцев до смерти Богатырева и стала важным событием в гуманитарной науке того времени. В 1970-х гг. и позднее ее активно использовали в практике вузовского преподавания фольклора. На протяжении нескольких десятилетий это была, вероятно, одна из самых востребованных книг в русской фольклористике.

Купюры в издании 1971 г.

Итак, через 42 года после того, как книга о магических актах была опубликована в Париже, она наконец появилась и в Москве; обратный перевод с французского на русский язык подготовила Т.В. Цивьян. Позднее книга была переиздана в России еще раз, и появился ее перевод на английский язык.

Между тем русское издание отличается от французского. При его подготовке Богатырев снял несколько фрагментов, которые могли возбудить негодование цензоров и сорвать публикацию всего тома в целом [Krafcik 1999]. В первом издании книги имелись отдельные фрагменты, которые перекидывали мостик к русскому фольклору послереволюционной эпохи. Именно они и пострадали в издании 1971 г.

Наиболее существенный характер имеют две купюры. Первая была сделана во «Введении», в главке «Актуальность магических действий» [Богатырев 1971: 182]. Во французском издании

отчасти в самом тексте, отчасти в подстрочных примечаниях к нему Богатырев привел в своем пересказе или переводе обширные цитаты из статьи В.Г. Тана-Богороза «Старый и новый быт» (Л., 1924), посвященные возрождению язычества и колдовства в Советской России. Приведем данный фрагмент из статьи В.Г. Тана-Богороза:

Вторая — шаманская, знахарская, черная вера, колдовство. У черемисов, например, просто возрождение язычества и не только у луговых черемисов, а также и в Краснококшайском уезде, у черемисов давно уже крещеных и формально православных. Это возрождение язычества проходит, конечно, под знаком революции, даже под знаком Советской власти.

В странные неожиданные сочетания вступают между собой православие и колдовство, — эти соперницы-сестры, как Регана с Гонерильей у Шекспира. Деревенская Россия вся расписана на колдовские приходы, нисколько не хуже церковных. В каждом селе четыре основные фигуры: священник, учитель, фельдшер, колдун. Частенько не хватает учителя, фельдшера, батюшки, но колдун уж, наверное, есть. Колдуньи же прямо на каждом шагу, — и сплошь и рядом прописывается героическое лечение «у трех старух», — одна за другой, — покамест которая из них «не придется по крови».

Раньше колдовство было запрещенной, подпольной верой, но теперь оно действует открыто. У колдуна прием, порою прямо очередь. В одном селе у колдуна до 4000 пациентов в год, вдвое больше, чем у местного фельдшера. В другом селе порою до ста человек в день. Он ворожит пациентам перед зеркалом с ухватками гипнотизера, вызывает всяческих духов и «рогатых и камлатых» и называет их деликатно по-новому: «мои товарищи». Колдовство вообще не чуждо улучшений и новых приемов. Оно приняло к себе на службу грамотность, и заговоры теперь записываются на бумажку и шиваются в тетрадку. У меня есть пара таких новых самодельных сборников. С причудливыми заговорами там переплетаются старинные рецепты о действии трав и земель и металлов, тоже унаследованные от седой старины.

И вдруг, неожиданно, обе соперницы-веры переплетаются в какой-то безобразный и спутанный клубок. Вот на «Пороховых» у Ленинграда на праздник Прасковей Пятницы производится изгнание беса из кликуш в массовых размерах со всеми средневековыми подробностями. Я наблюдал его незадолго до революции. В годы революции народу собиралось немного. Но в прошлом 1923 году опять собралась громадная толпа. Кликуш распинали на стене по-старому. Одну колдунью, избличенную кликушей, едва не сбросили с моста, а когда вступился священник, избили и его [Тан 1924: 16–17].

Вторая купюра сделана в заключительной части главы 5-й «Чудесные явления и сверхъестественные существа». Здесь Богатырев рассуждает о том, что в рассказах о персонажах народной демонологии сочетаются друг с другом индивидуальные видения и традиционные сказочные мотивы. Во французском тексте далее приводился пример, который опущен в советском издании. Со ссылкой на статью костромского краеведа В.И. Смирнова «Черт родился (Творимая легенда)» Богатырев писал, что «в настоящее время в России циркулирует легенда о жене коммуниста, которая родила черта. Эта легенда представляется как рассказ о реальном событии, но в некоторых вариантах демонстрирует влияние народных сказок. В.И. Смирнов зафиксировал три варианта легенды в Костроме и отметил, что легенда, обрастая ходячими мотивами, распространилась в России и даже достигла Украины» [Bogatyrev 1929: 24].

Если обратиться к статье Василия Смирнова, то можно увидеть, что он не только систематизировал варианты современной легенды, но и вполне квалифицированно проанализировал то, как она обрастала бытовыми подробностями или мотивами, характерными для сказочного фольклора. Сам подход В.И. Смирнова очень близок к подходу Богатырева; так, например, он пишет: «В глухих заброшенных лесах и занесенных снегом деревушках, крестьянская народная масса, в толщи которой с трудом проникает политическая и общественная городская мысль, где неизвестна наша изящная литература, в значительной степени продолжает жить чертовщиной, колдунами, рассказами об огненных змиях и т.д. Изменилось лишь направление народных вкусов и направление творчества, но последнее продолжает жить, притом нередко в старых, привычных для народа формах. Замечательно это свойство народной памяти твердо хранить приемы эпического склада: у нее всегда имеется богатый запас готовых выражений и сюжетов, и в эти готовые рамки легко уже потом укладывается неустанно творимое фантазией сказание, нередко дающее объяснение новым явлениям жизни» [Смирнов 1923: 17].

Сюжет легенды характерен для первых лет Советской власти: муж-коммунист бросил в печь иконы, а жена его в наказание за это через три дня родила черта. В развернутых вариантах рассказывается о том, что черта посадили в банку и отправили в музей. Согласно фельетонной переработке легенды, опубликованной в газете «Красный мир», «черта поместили, посадив в банку, в Ярославский естественно-исторический музей <...> И нашлось около 400 дураков, которые пришли в музей посмотреть черта <...> Стоит целый “хвост” перед Вологодским музеем, куда якобы привезен черт из Ярославля» [Там же: 18]. Публикация В.И. Смирнова могла появиться в печати только в короткий

период относительной свободы слова, да и то в провинциальной Костроме. В конце 1920-х гг. что-то подобное могло быть опубликовано уже только в эмигрантских изданиях. Характерна и судьба самого В.И. Смирнова: в 1928 г. его сняли с поста директора Костромского музея; в ноябре 1929 г. — с поста председателя Костромского научного общества исследователей местного края; 15 сентября 1930 г. он был арестован и 28 февраля 1931 г. приговорен к 3 годам административной высылки в Архангельск; скончался Смирнов 22 октября 1941 г. от разрыва сердца. В 1960 г. он был реабилитирован [Пернетт 2010].

Оба примера наглядно демонстрируют, почему синхронное изучение обрядов и верований на самом деле было невозможно в Советской России: наблюдаемая реальность слишком не соответствовала тому, что хотели видеть власти на месте этой реальности. Поэтому в 1930-е гг. советская фольклористика закономерно пришла к тому, чтобы не фиксировать факты, а создавать вместо них эфемерную картину колхозного рая.

Актуальность работ Богатырева об обрядах

Благодаря тому, что Богатырев жил за границей, он счастливым образом избежал необходимости изучать работы классиков марксизма-ленинизма и оставался в орбите европейской науки, прежде всего Пражского лингвистического кружка. Работы Богатырева дают нам редкую возможность представить себе, в каком направлении могла бы двигаться русская этнография, если бы ее развитие не было искусственно прервано советской властью [Иванова 2009: 768].

Работы Богатырева, написанные в 1920–1930-е гг., в значительной мере сохранили свою актуальность и в наше время. Многие идеи Богатырева лишь частично реализовались в его собственных трудах. Некоторые из них получили развитие спустя несколько десятилетий в работах других ученых, однако их эвристический потенциал не исчерпан.

Функционально-структурный метод в версии Богатырева лишен тех недостатков, которые характерны для некоторых других версий структурализма (имманентное рассмотрение языка и других знаковых систем в отрыве от их социального функционирования, необоснованные глобальные выводы на основе ограниченного материала, построение теории как «пирамиды» гипотез, поставленных одна на другую, и т.д.). В этом смысле «простота» Богатырева имеет обманчивый характер; будущее вполне может оказаться именно за ней, а не за более сложными, но и более спорными построениями ученых следующих поколений.

Работы Богатырева были написаны по большей части на основе тех материалов, которые он сам собрал в экспедициях. В этом отношении его статьи и книги сохраняют свое значение первоисточника. Дополнительную ценность придает им то, что сама этнографическая «натура» неузнаваемо изменилась с того времени. Отметим, что в отдельных случаях Богатыреву удалось зафиксировать уникальные обряды. Так, например, в статье «Игры в похоронных обрядах Закарпатья» он привел собственные материалы об эротических играх при покойнике [Bogatyrev 1926; Богатырев 1996]. При этом надо учитывать, что сами игры при покойнике были неоднократно описаны (в частности, в обстоятельных собраниях материалов В. Гнатюка и З. Кузели [Гнатюк 1912; Кузеля 1914]), однако специфические игры фаллического характера по какой-то причине остались незамеченными: то ли носители традиции не считали нужным рассказывать о них собирателям, то ли собиратели стеснялись их фиксировать, то ли публикаторы не решались включать их в свои собрания материалов.

Важной новацией Богатырева было то, что он стремился фиксировать, как сами исполнители относятся к осуществляемым ими обрядам: являются ли обряды в их глазах мотивированными или немотивированными; сохраняют характер ритуального действия или превращаются в игру; как связаны друг с другом мифологические мотивировки и мотивировки утилитарного характера. Например, в статье «К исследованию народных обрядов и поверий при постройке дома в Восточной Словакии и Подкарпатской Руси» Богатырев последовательно рассматривает регламентации при выборе деревьев для строительства дома, символические действия, совершаемые плотниками и печниками, ритуалы при переходе на новоселье [Богатырев 2006: 184–200]. При этом свои записи Богатырев располагает в определенной последовательности: от «суеверных» мотивировок к утилитарным, по мере утраты традиционных верований и замены их практическими соображениями. Таким образом, ритуалы предстают не просто как пережитки, остатки архаики, но как социальные факты, которые постепенно меняют свои функции в жизни сельского социума.

Сохраняют свою актуальность и наблюдения Богатырева о постепенной смене одних функций обряда другими, а также о взаимодействии ритуала и игры, магических и эстетических функций. Цитируем еще раз замечательный очерк Р.О. Якобсона о Богатыреве: «С начала двадцатых годов Богатырев находился под сильным влиянием соссюрковского требования синхронных лингвистических описаний, но в то же время — и чем дальше продвигалась его работа, тем больше — динамические элементы в синхронном подходе к фольклору

играли решающую роль в его наблюдениях и выводах. Но что он особенно отчетливо видел, так это соперничество между различными, даже противоположными функциями, приписываемыми одному и тому же фольклорному действию, и прежде всего конфликт эстетической и магической функций как в фольклорном театре, так и в религиозном обряде. В его французской статье о шуточных и эротических играх в погребальных обрядах Подкарпатской Руси (1926 г.) содержится чрезвычайно богатый материал и комментарий по поводу этого. Близость и дистанция между игрой (*jeu*) и магическим актом (*acte magique*) привели Богатырева к поиску театральных элементов в функционировании ритуала и магических аспектов в театральной сфере, он даже посвятил специальную статью «актерским суевериям» (1927)» [Якобсон 1999б: 68].

Функционально-структурный метод Богатырева доказал свою результативность, хотя ныне он воспринимается скорее не как особый и самостоятельный метод, а как интегративная часть целостного научного подхода к народной культуре. В общем любое современное исследование должно включать в себя функциональные и структурные аспекты, вопрос только в том, каким образом они понимаются и конкретизируются, а также в том, как они соотносятся с другими аспектами исследования. Структурно-функциональный метод Богатырева позволяет решать определенные задачи, но он не является универсальным, как не имеют универсального характера и другие методы, разрабатываемые в рамках этнографии и фольклористики.

Работы Богатырева о ритуалах и современная наука

В 1960-х гг. Богатырев принял участие в процессе возрождения семиотики и структурализма в СССР. Сошлемся на слова Ю.М. Лотмана: «П.Г. Богатырев воплощал в своем лице как бы живую историю семиотических исследований: участник Московского лингвистического кружка, участник Пражского лингвистического кружка, он своим сотрудничеством активно способствовал тому подъему семиотических штудий, который стал заметно ощущаться в отечественной науке с начала 1960-х годов. В 1962 году он принял участие в московском симпозиуме по структурному изучению знаковых систем, а в дальнейшем сделался активным участником семиотических встреч в Тарту. Во второй, третьей и четвертой Летних школах по изучению вторичных моделирующих систем (в Кяэрику) он принял личное участие, выступал с докладами, сообщениями, участвуя в обсуждениях и беседах» [Лотман 2007: 341–342]. Две статьи Богатырева были опубликованы посмертно в 6-м

и 7-м выпусках тартуских «Трудов по знаковым системам» [Богатырев 1973; Богатырев 1975].

В конце 1970-х гг. оформилась так называемая Московская этнолингвистическая школа¹. Ее основатель Н.И. Толстой (1923–1996) высоко ценил работы П.Г. Богатырева². Вслед за Богатыревым он разрабатывал методiku описания обрядов и в целом символического мира народной культуры, идеи картографирования обрядов и обрядовой терминологии, уделял особое внимание славянским архаическим зонам (к которым относятся и Карпаты) [Толстой 1995; Толстой 2003].

С начала 1980-х гг. изучение символики вещей стало одним из наиболее популярных направлений в отечественной этнографии (см. работы о символике отдельных предметов крестьянского обихода: [Свешникова, Цивьян 1979; Байбурин 1983; Маслова 1984; Лавонен 1984; Лебедева 1989; Байбурин 1992; Виноградова, Толстая 1993; Боряк 1997; Топорков 1990; Логинов 1992; Лавонен 2000; Баранов 2005; Пермиловская 2005]³). Хотя Богатырев не первый обратился к этой теме, именно он разработал тот функционально-семиотический подход к материальной культуре, который получил развитие в современной науке. На идеи Богатырева во многом опирался А.К. Байбурин, разрабатывая концепцию семиотического статуса вещей [Байбурин 1981; см. также: Байбурин 1989]. В то же время сама методика описания символики вещей в современных работах понимается несколько по-другому, чем у Богатырева. В частности, по словам Байбурина, «если Богатырев пытался извлечь информацию о функционировании вещей непосредственно из самих вещей и высказываний о них носителей, то вскоре стало понятно, что такое “вычитывание” — не самая плодотворная процедура. Гораздо больше о семантике вещей говорят тексты, которые непосредственно не посвящены этим вещам, но так или иначе описывают их функционирование (поверья, приметы, гадания, былички и др.)» [Байбурин 2007: 14].

Если в центре внимания Богатырева при описании вещей стояло понятие функции, то в современных исследованиях большее внимание уделяется семантике или символике вещей. Для формирования этой символики значимы не только функции вещей, но и материал, из которого они изготовлены, их форма, место вещи в доме, а также та сетка семиотических оппозиций, которая накладывается на материальный мир: *открытый* —

¹ См.: [Славянская этнолингвистика 2008].

² См. статью Н.И. Толстого «Петр Григорьевич Богатырев и Роман Осипович Якобсон» [1994].

³ См. также статьи, посвященные вещам, в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» [1995–2009].

закрытый, закрепленный — подвижный и др. Фундаментальный характер имеет также соотнесение вещи и человека, антропоморфизация вещей, приписывание им человеческого «века» и т.д. Символический характер в народной культуре приписывается не только вещам, но и действиям, атрибутам, элементам пространства и времени, природным объектам. Данная сфера получила осмысление в рамках так называемой символической этнологии (в частности, в трудах Виктора Тернера), которые также повлияли на разработку этой проблематики в отечественной науке (см.: [Топорков 1989]).

Если Богатырева занимал прежде всего вопрос о том, как сам носитель традиции воспринимает тот или иной обряд, то для ученых конца XX в. этот вопрос отошел на второй план. Дело стали понимать так, что исследователь лучше знает смысл обряда, чем тот, кто осуществляет этот обряд, хотя с такой точкой зрения не всегда можно согласиться. К тому же ученые, как правило, имеют дело с чужими записями, в которых почти никогда не отражено, что думает об обряде его исполнитель.

Комплексное восприятие народной культуры, столь характерное для Богатырева, все больше приобретает специализированный характер, при котором каждая сфера культуры воспринимается как изолированная от других сфер, а методы, применяемые в одной области научного знания, мало понятны специалистам из другой области.

Вместо заключения

В 1920–1930-е гг. Богатырев работал в относительной изоляции от русской (советской) этнографии, в большей мере ориентируясь на науку Чехословакии, Польши, Франции и Германии. Такая ситуация позволяла Богатыреву, оставаясь внешне лояльным по отношению к русской этнографии, в то же время отбирать из нее то, что ему представлялось наиболее ценным, и игнорировать то, что не могло вызвать сочувствия. Идеи лингвистического структурализма значительно конкретизировались в работах Богатырева и стали инструментом познания славянских обрядов и верований. Принимая в целом функционально-структуральный метод прагматов, Богатырев в то же время учитывал опыт Д.К. Зеленина и других русских ученых. Такое скрещение разнонаправленных тенденций и взаимное обогащение русской и европейской науки сделало работы Богатырева чехословацкого периода уникальным явлением в отечественной и европейской историографии.

Значение работ Богатырева 1920–1930-х гг. в том, что он привнес в этнографические исследования методы семиотики

и лингвистического структурализма, обогатил терминологический аппарат этнографии понятиями *функция, знак, структура и структура функций*. Сошлемся еще раз на мнение Р.О. Якобсона:

В 1915 г. Богатырев стал одним из со-основателей Московского лингвистического кружка, а в конце двадцатых-тридцатых годов он принял самое активное участие в деятельности Пражского лингвистического кружка — и в качестве лектора, и участника полемики, и сотрудника его периодических изданий. Сотрудничество с лингвистическим ядром обоих объединений способствовало более близкому знакомству с развитием структурной лингвистической мысли, точно так же, с другой стороны, богатыревские этнографические наблюдения и размышления расширили семиотический кругозор его коллег-лингвистов, что наиболее ярко проявилось в тридцатые годы, когда в Пражском лингвистическом кружке лингвистические методы анализа переросли в программу всеобъемлющих семиотических исследований. Уместность использования лингвистической модели в культурной антропологии и прежде всего в фольклористике всегда настойчиво подчеркивалась Богатыревым в его устных и письменных выступлениях на всех международных конгрессах и конференциях антропологов, этнологов и лингвистов [Якобсон 1999б: 71].

В то же время было бы опрометчиво сводить методологическое значение научного творчества Богатырева 1920–1930-х гг. к ранним опытам в области семиотики и функционального структурализма. В работах Богатырева присутствуют и другие методы и подходы; например, он разрабатывал ареальный метод и методику картографирования, комплексный подход к народной культуре в единстве слова, действия и предметно-материальной среды [Гусев 2002]. Особого обсуждения требуют его подходы к истории народного театра и поэтики фольклора.

В современной научной ситуации работы Богатырева, в том числе и его книга о магических актах Закарпатья, с одной стороны, сохраняют значение первоисточника, а с другой — все больше начинают восприниматься как памятник научной мысли своего времени. Само создание этой книги и ее появление в русском переводе тесно связаны с историческими коллизиями в жизни России и всей Европы XX в.

Богатырев, конечно, не был борцом с советской властью, но история его научного творчества — это яркий пример того, как ученому удавалось на протяжении десятилетий сохранять свою интеллектуальную свободу и высокое человеческое достоинство, несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства и драматические политические события. В этом, может быть, заключается главный урок, который можно сделать из наблюдений над

судьбой его замечательного исследования о магических актах Закарпатья.

И в заключение хочется высказать одно чисто практическое соображение. Мы уже отмечали, что текст «Магических актов» в русском издании 1971 г. был несколько сокращен по цензурным причинам. Возможно, что и другие работы Богатырева опубликованы в 1971 г. не полностью. В связи с этим при их последующих изданиях было бы желательно заново сверить тексты с иноязычными оригиналами и восстановить купюры. Учитывая, что в книге 1971 г. текст имел авторизованный характер, корректнее было бы не вносить их непосредственно в текст, а дать в виде примечаний к основному тексту.

Библиография

- Ашин Ф.Д., Алпатов В.И.* «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994.
- Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
- Байбурин А.К.* Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб.: Наука, 1992. С. 5–13. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 45).
- Байбурин А.К.* Предисловие // Богатырев П.Г. Народная культура славян. М.: ОГИ, 2007. С. 7–18.
- Байбурин А.К.* Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры: Сб. статей. Л.: Наука, 1989. С. 63–88.
- Байбурин А.К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: Сб. статей. Л.: Наука, 1981. С. 215–226. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 37).
- Баранов Д.* Образы вещей (о некоторых принципах семантизации) // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 212–227.
- Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971.
- Богатырев П.Г.* Знаки в театральном искусстве // Труды по знаковым системам. Вып. 7: Памяти Петра Григорьевича Богатырева. Тарту: Тартус. гос. ун-т, 1975. С. 7–21. (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 365).
- Богатырев П.Г.* Игры в похоронных обрядах Закарпатья / Пер. с фр. Т.В. Цивьян // Секс и эротика в русской традиционной культуре: Сб. статей / Сост. и послесл. А.Л. Топоркова. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1996. С. 484–508.
- Богатырев П.Г.* О взаимосвязи двух близких семиотических систем (Кукольный театр и театр живых актеров) // Труды по знаковым системам. Вып. 6: Сборник научных статей в честь Михаила Михайловича Бахтина: к 75-летию со дня рождения. Тарту:

- Тартус. гос. ун-т, 1973. С. 306–329. (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та; Вып. 308).
- Богатырев П. Г.* Функционально-структуральное изучение фольклора (малоизвестные и неопубл. работы). М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Богатырев П. Г.* Чешский кукольный и русский народный театр. Берлин; Пг.: Опояз; Тип. Куммер и К° в Берлине, 1923.
- Богатырева С. И.* Из семейного альбома // Живая старина. 1994. № 1. С. 16–17.
- Боряк О.* Ткацтво в обрядах та віруваннях українців (середина XIX — початок XX ст.). Київ: Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України, 1997.
- Веселовский А. Н.* Собр. соч. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. Т. 16: Статьи о сказке. 1868–1890. (Фольклор и мифология. Т. 1).
- Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Символический язык вещей: веник (метла) в славянских обрядах и верованиях // Символический язык традиционной культуры: Балканские чтения—II / Отв. ред. С. М. Толстая, И. А. Седакова. М.: Б. и., 1993. С. 3–36.
- Гнатюк В.* Похоронні звичаї й обряди // Етнографічний збірник. 1912. Т. 31/32. С. 203–424.
- Гусев В. Е.* Методологические основы научной деятельности П. Г. Богатырева // Петр Григорьевич Богатырев: Воспоминания. Документы. Статьи / Сост. и отв. ред. Л. П. Солнцева. СПб.: Алетейя, 2002. С. 63–72.
- Досталь М. Ю.* Богатырев в Чехословакии в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 1998. № 4. С. 31–42.
- Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.
- Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995.
- Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994.
- Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917–1934. М.: Индрик, 1999.
- Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934–1954. М.: Индрик, 2004.
- Зеленин Д. К.* Современная славянская этнография в Западной Европе // Советская этнография. 1932. № 3. С. 98–124; № 4. С. 124–143.
- Зеленин Д. К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1: Запреты на охоте и иных промыслах. Л.: МАЭ РАН, 1929. (Сборник МАЭ. Т. 8); Ч. 2: Запреты в домашней жизни. Л., 1930. (Сборник МАЭ. Т. 9).
- Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
- Кузеля З.* Посажіне і забави при мерці в українським похороннім обряді // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1914. Т. 121. С. 173–224.

- Лавонен Н.А.* Функциональная роль порога в фольклоре и верованиях карел // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: Сб. науч. трудов / Под ред. Б.Н. Путилова. Л.: Наука, 1984. С. 171–179.
- Лавонен Н.А.* Стол в верованиях карелов. Петрозаводск: Периодика, 2000.
- Логинов К.К.* Интерьер крестьянской избы в обрядности и верованиях Заонежан // Заонежье: Сб. науч. статей / Науч. ред. Ю.Ю. Сурхаско, К.К. Логинов. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. С. 98–117.
- Лебедева А.А.* Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX вв. // Русские: семейный и общественный быт: Сб. статей. М.: Наука, 1989. С. 229–247.
- Лотман Ю.М.* Ян Мукаржовский — теоретик искусства // Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Вступ. ст. Ю.М. Лотмана; коммент. Ю.М. Лотмана, О.М. Малевича. М.: Искусство, 1994. С. 8–32.
- Лотман Ю.М.* Памяти Петра Григорьевича Богатырева // Богатырев П.Г. Народная культура славян. М.: ОГИ, 2007. С. 341–342.
- Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М.: Наука, 1984.
- Пермиловская А.Б.* Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX — начало XX века). Архангельск: Правда Севера, 2005.
- Пернетт С.* Смирнов Василий Иванович // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск / Отв. ред. Т.Г. Иванова, А.Л. Топорков. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 202–207.
- Решетов А.М.* Письма П.Г. Богатырева Д.К.Зеленину // Богатырев П.Г. Народная культура славян. М.: ОГИ, 2007. С. 342–340.
- Свешникова Т.Н., Цивьян Т.В.* К функциям посуды в восточнороманском фольклоре // Этническая история восточных романцев: Древность и средние века: Сб. статей. М.: Наука, 1979. С. 147–194.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995; Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999; Т. 3. М.: Междунар. отношения, 2004; Т. 4. М.: Междунар. отношения, 2009.
- Славянская этнолингвистика: Библиография. 3-е изд. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008.
- Смирнов В.* Чорт родился (творимая легенда) // Труды Костромского научного общества исследователей местного края. 1923. Вып. 29. С. 17–20.
- Соколова В.К.* Дискуссии по вопросам фольклористики на заседаниях Сектора фольклора Института этнографии // Советская этнография. 1948. № 3. С. 139–146.
- Сорокина С.П.* Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева // Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (малоизвестные и неопубл. работы). М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 5–72.

- Тан В.Г.* Старый и новый быт // Старый и новый быт: Сборник / Под ред. В.Г. Тана-Богораза. Л.: Гос. изд., 1924. С. 5–25.
- Толстой Н.И.* Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. (Традиционная духовная культура славян).
- Толстой Н.И.* Петр Григорьевич Богатырев и Роман Осипович Якобсон // Живая старина. 1994. № 1. С. 10–13.
- Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
- Топорков А.Л.* Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в.: В 2 вып. М.: Б.и., 1990. Вып. 2. С. 67–135.
- Топорков А.Л.* Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры: Сб. статей. Л.: Наука, 1989. С. 89–101.
- Топорков А.Л.* Теория мифа в русской филологической науке XX века. М.: Индрик, 1997.
- Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино / Изд. подгот. Е.А. Голдес, А.П. Чудаков, М.О. Чудакова. М.: Наука, 1977.
- Чичеров В.И.* Обсуждение на заседаниях Ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач работы советских фольклористов // Советская этнография. 1948. № 3. С. 146–163.
- Якобсон Р.О.* О современных перспективах русской славистики // Якобсон Р. Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М.: РГГУ, 1999а. С. 21–37.
- Якобсон Р.О.* П.Г. Богатырев (29.I.1893 — 18.VIII.1971): мастер перевоплощений // Якобсон Р. Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М.: РГГУ, 1999б. С. 65–74.
- Bogatyrev P.* «Полазник» у южных славян, мадьяр, словаков, украинцев // *Lud Słowiański*. 1933. Т. 3. Zesz. 1. В (etnografia). S. 107–114; 1934. Т. 3. Zesz. 2. В (etnografia). S. 212–273.
- Bogatyrev P.* Actes magiques, rites et croyances en Russie Subcarpatique. Paris: Institut d'études Slaves, 1929.
- Bogatyrev P.* Les jeux dans les rites funebres en Russie Subcarpathique // *Le Monde Slave*. 1926. Т. 3. No. 11. P. 196–224.
- Geertz C.* Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture // Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. N.Y.: Basic Books, 1973. P. 3–30.
- Krafcik P.K.* Notes of a Translator on Bogatyrev's Monograph: "Magical Acts, Rites, and Beliefs of Subcarpathian Rus'" // The Journal of the Slavic and East European Folklore Association. 1999. Vol. 4. No. 2. P. 21–24.
- Zelenin D.* Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin; Leipzig: W. de Gruyter, 1927.